

Анна Кушкова

**Деревенские прозвища:
к вопросу о характере, бытовании
и социальных функциях**
(по полевым материалам Белозерского р-на
Вологодской области)

Тема прозвищ возникла в нашей работе в связи с изучением деревенских конфликтов и различных способов их «внутреннего» регулирования (сплетен, обычно-правовых видов наказаний и под.) в относительно закрытом и компактном локальном сообществе деревни. Как мы постараемся показать в данной работе, индивидуальные прозвища могут иметь самое непосредственное отношение к конфликтам, а также к тем коммуникативным процессам, благодаря которым они сохраняются и актуализируются в «повседневной памяти» членов сообщества.

Материал для данной работы собирался в течение нескольких полевых сезонов (с 1998 по 2006 г.) в Шольском сельсовете Белозерского района Вологодской области — кусте из семи деревень, компактно расположенных по берегам р. Шолы и образующих достаточно замкнутую область проживания. Расстояние до ближайшего города (Белозерска) около 100 км. В 1960–1980 гг. в Шоле насчитывалось около пяти тысяч жителей, т.е. чуть менее того количества, при котором она могла бы стать поселком городского типа. В 1959 г. район, центром

Анна Николаевна Кушкова
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
kushka@eu.spb.ru

которого была Шола, был упразднен, после чего она стала постепенно превращаться в деревню; колхоз и леспромхоз, обеспечивавшие жителей работой, все более приходили в упадок. Сейчас общее количество жителей Шола — около 2300 человек, среди которых преобладают женщины пожилого возраста.

Как известно, прозвищные тексты — «явление многожанровое и кроссжанровое. [Они] являются подтипами многих жанров фольклора: от песен и частушек до преданий и анекдотов» [Дранникова 2000]. Прозвища в данной работе будут интересовать нас не с точки зрения пространства прозвищного фольклора вообще или привязки прозвищных текстов к определенным ритуальным ситуациям, или же в том смысле, в каком они отражают границы этнографических и географических групп. Наш выбор именно индивидуальных прозвищ обусловлен двумя основными соображениями. Во-первых, в рассматриваемой нами локальной традиции индивидуальные прозвища (в основном однословные или краткие прозвищные словосочетания) — это единственный в наибольшей степени сохранившийся фрагмент прозвищного континуума. Во-вторых, нам хотелось сделать акцент на той роли, которую играют прозвища в ежедневных ситуациях общения жителей деревни, в частности, как средство «политики деревенской репутации».

В начале работы мы кратко перечислим те элементы этого континуума, которые сейчас представлены лишь небольшим количеством примеров, — в первую очередь, чтобы показать, что индивидуальные прозвища, несомненно, представляют собой один из фрагментов гипотетически более развитой в прошлом системы прозвищных текстов. Во второй части работы мы непосредственно перейдем к рассмотрению некоторых особенностей природы и функционирования индивидуальных прозвищ.

* * *

Итак, за все годы полевой работы было записано очень небольшое количество коллективных прозвищ жителей окрестных деревенских сообществ (так называемых катойконимов, см. [Дранникова 2000]).

1) «Кяндские налетушки»: *Я вот знаю, что тех, кто с Кянды, так зовут всех «налетушками»... Кяндская налетушка. Кянда. Есть такая [А почему «налетушка»?] А я не знаю. Налетушки — это, знаете, вот такие пирожки вот с картошкой. Калитки... их еще зовут калитки — там всякие... всякое... [Может, они их там пекли?] Наверно, я не знаю даже — но слы-*

шала я вот такое выражение: «Кяндские налетушки» [смеется]. [То есть, любого с Кянды можно было так назвать?] *Да-да-да. Ой, ты, кяндская налетушка!* [Belozer_04. PF-7. МНС]; также [Belozer_04. PF-8. КСВ]¹;

2) «Сотозерские творожники» (так называли парней с Сотозера; без объяснения) [Там же];

3) «Дробинники» — о жителях села Городищ. *Лива варили много, мололи на жерновах. Кроме того, они были плясуны, здорово дробили* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]; также [Belozer_01. PF-10. КНА]; вариант: «Городищские дробильники» [Belozer_03. PF-1.10. ВАН];

4) «Ершоеды» — о жителях Белозерска, «Белозерах». Получили такое прозвище не столько за приписываемые им пищевые предпочтения, сколько за то, что обменивали рыбу на различные товары [Belozer_03. PF-1.13. БЛП].

Видимо, на появление подобных коллективных прозвищ в свое время оказало влияние т.н. «затопление», когда при строительстве Беломоро-Балтийского канала часть деревень области была уничтожена, а население перемещено; к Шоле тогда были пристроены 1-й, 2-й и 3-й «поселки», которые, кроме цифрового обозначения, так и не получили никакого другого названия. Людям обещали здесь «временное» жительство, в связи с чем и они сами, и «местные» воспринимали их статус как промежуточный (понятно, что они и их дети живут там до сих пор). Для «старожилов» эти люди, по крайней мере первое время, были «чужими»², в результате жанр коллективных прозвищ жителей других деревень как бы частично переместился внутрь собственной деревни: [А вот у пожилых людей есть какие-нибудь прозвища?.. Может, вот по тому месту, откуда они приехали?] Инф.: *А вот эти, вот, например, были, бабушка-то, всех их... как бы звали, что... как бы там кто приехал со слободы-то, вот, поселение, и они как бы все были слободские <...> Здесь же поселок...* [Belozer_04. PF-6. МНС].

¹ В ссылках на полевые материалы указываются: район записи, год записи (последние две цифры), номер полевой фонограммы (PF) и инициалы информанта. Более полная атрибуция материалов, включающая дату и место записи, а также год рождения информанта и фамилию собирателя, приводится в конце статьи. Лишь в нескольких случаях самых ранних записей указывается только дата и инициалы информанта.

² Ср.: Инф.2: *Ну, сколько там их переехало семей... много!* Инф.1: *С слободки, там этот... Шольский завод был... вот здесь же всё они... по затоплению <...>* [То есть, все поселки — это как бы всё уже приехавшие, да?] Инф.1: *Да, это здесь не это... не корен... коренные там, а мы здесь такие всякие с бору по сосенке.* Инф.2: *Тут дома-то такие как бы временные строились, что как бы... люди... должны как бы передвигаться, а тут... как осели, так и осели. Потому что там были такие ужасные... как бараки такие построены. Всё из картона* [Belozer_04. PF-6. МНС].

Всего двумя текстами представлены в нашем собрании коллективные прозвища жителей других мест, по форме представляющие собой частушки:

1) *Городищские дробинники / Народ мастеровой / Зарабатывают деньги / На соломе яровой* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]; и

2) *Вологодские девчоночки / Малы да удалы. / До полуночи гуляют, / Не ломают головы* [Belozer_03. PF-1.12. ВАД].

К тому же типу «экзонимов», т.е. к текстам, относящимся к жителям других мест¹, можно причислить и прозвище «Питерцы», данное семейной паре из села Верховья, которая в свое время приехала сюда из Ленинграда (например: [Belozer_03. PF-1.14. ФЕИ]).

За исключением, пожалуй, последнего, все вышеперечисленные тексты известны сейчас лишь небольшому количеству пожилых (и наиболее «фольклорно настроенных») информантов и в реальном общении едва ли употребляются — ведь, скажем, в Городищах, некогда большом кусте деревень, расположенном в 20 км от Шолы, теперь остались лишь считанные пожилые жители.

В определенном смысле промежуточным между коллективными и индивидуальными прозвищными текстами были так называемые «устваления», то есть рифмованные речевые или песенные формулы, в которых по прозвищам «перебирались» или «перепевались» односельчане:

Вот помню, соберутся. Начнут у нас. Вот начинает один дурачок: «В деревне... У этой-то бабки есть веревка, / А там живет Маруся-воровка. У Маруси есть колтун / Там живет...» — такое-то слово, что этот Вася такой-то — с матюком. И дальше пошел: «Эта такая-то, да такой-то», — пошел. И вот эта вся деревня на устах, а еще без прозвища почти никто не жил. У каждого было прозвище [Belozer_98. БЛП];

или:

Помнишь, тогда по деревням даже домам давали прозвища? Скажут: «С краю по порядку живет такая-то», потом дальше, дальше — вот у нас в Горском каждому дому было вот такое <...> Как-то даже не прозвище, а вот такое... стихотворное... вот такое было сочи... сочинено вот. <...> А у нас было в Горском. Начиная вот, с Кузьминых — помните вы их или нет?.. Вот с этого дома, и по порядку — и... «с краю,

¹ Более подробно о противопоставлении экзонимов и эндонимов см. [Дранникова 2000].

с краю...» — знаю, что запомнила вот это... «с краю, с краю, по порядку, живет... там вот...» Забыла уже я, столько лет прошло [Belozer_03. PF-1.13. ВАД]; также [Belozer_03. PF-1.13. БЛП; Belozer_03. PF-1.14. РВ, ЛВ].

С одной стороны, в таких текстах проговаривались индивидуальные прозвища каждого из «уставляемых», а с другой, в силу своеобразного кумулятивного эффекта, создавалось собирательное «лицо» всей деревни (ср.: *Вся деревня была «уложена»* [Belozer_03. PF-1.8А. БЛП]). И хотя при этом комментарию могли подвергаться не обязательно лишь недостатки односельчан (ср.: «*Висит картина — боец, а Ваньку Федорова зовут борец*», — *хорошо борется* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]), информанты вспоминают о таких «перепевах» как о своеобразных деревенских *вечер[ах] юмора* [Там же]. Относительно того, кто занимался подобными «уствлениями», первенство было отдано скорее женщинам. На этот вопрос были даны следующие ответы: 1) *старушки* (уставляли, решали, кому дать какое прозвище) [Belozer_03. PF-1.5. ТНИ]; 2) просто *женщины* (они садились отдохнуть и начинали «уставлять»). Мужчины работали на поле, на это время не было) [Belozer_03. PF-1.5. ТНИ]; один раз были упомянуты 3) *компании насмешников — молодые парни, играли в карты и сочиняли* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]; и один раз 4) *молодежь* [Belozer_03. PF-1.14. ЛВ]. В остальных случаях употреблялось неопределенно-личное: *соберутся, садятся...* [Belozer_03. PF-1.8А. БЛП]. Возможно, что женщин в первую очередь «записывают» в «уставщицы» по ассоциации женщины со сплетней¹.

В одном случае информанты вспомнили, что тексты «уствлений» могли использоваться людьми и про самих себя — так, один человек, живший в Городищах, говаривал: *Я живу в деревне Ново* [или: *Наша деревня Ново*] / *Первая изба моя, Ивана Цыганова* [Belozer_03. PF-3.6. ПАЕ, ТЗА].

Несколько слов о семантике глагола «уставлять». Согласно В.И. Далю, этот глагол имеет следующие значения: а) «наполнить место, ставя что, или расставить вещи в порядке, в должном числе, разместить»; б) «постановить, либо определить, назначить, дать правило, закон, порядок, учредить, узаконить» [Даль 1998, IV: 1077–1078]. Как выражение коллективного суж-

¹ Ср.: «Если бы вы захотели спросить о каком-нибудь обычае, или узнать мнение о каком-нибудь предмете из бытовой жизни, то спросите женщину и она вам обстоятельно расскажет: как, что и почему; спросите мужчину о том же самом предмете — он вам не скажет ничего положительного. Он вам наговорит с три короба, но дела не скажет; потому что он сам его плохо знает и понимает. Чаще от него вы выслушаете такой ответ: спроси бабу — это ихнее дело, они у нас уставщицы. И, действительно, мужчине здесь некогда заниматься подобными вопросами (вопросами бытовой жизни)» [РГАЛИ. Ф. 586. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 13–13 об.].

дения о каждом жителе села, так и последовательность «опевания» каждого деревенского дома, при которой происходит своеобразное внутридеревенское маркирование территории, в полной мере отвечают данной семантике. Хотелось бы, кроме того, обратить внимание на приводимое в словаре вологодское значение данного глагола: [уоставить] — «кого, *сев.* одеть, убрать, нарядить. *Кто уоставлял вашу невесту? вологодск.*»; «*Невеста уоставно одета, нарядно, вологодск.*» — не исключено, что в рассматриваемой традиции у данного глагола мог сохраниться оттенок значения «разукрасить», «приукрасить»; ср.: [во время «уоставлений»] *Со смеху катаемся, сулему всякую расписываем* [Belozer_03. PF-1.8A. БЛП]. В этом случае напрашиваются определенные ассоциации с процессом циркуляции сплетни, когда ее содержание «творчески развивается» по мере пересказа одним человеком другому, чем, в частности, объясняется устойчивое отношение к сплетням как ко «лжи», «клевете». Особенно очевидным это сходство будет, видимо, в тех случаях, когда таким образом будут «преувеличиваться» те или иные негативные черты характера «опеваемого».

На основе собранных интервью складывается впечатление, что традиция «уоставлений» была сильнее всего развита в Городищах — теперь уже исчезнувшей группе из одиннадцати деревень; выходы отсюда до сих пор с точностью воспроизводят их названия и последовательность (например: [Belozer_06. PF-10. КЛФ; Belozer_04. PF-11. ГНИ; Belozer_03. PF-1.10. ВАН] и др.). Несколько забегаая вперед, можно сказать, что и больше всего однословных индивидуальных прозвищ было записано о и от бывших жителей Городищ, причем часто с довольно обширным мотивирующим контекстом (например: [Belozer_03. 1.14. КАА; Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ; Belozer_03. PF-3.9. БЛА] и др.). Рассказ об «уоставлениях» в самой Шоле был записан лишь от одного человека [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]. Насколько такая статистика отражает реальное положение вещей, судить трудно, однако можно высказать предположение, возможно, объясняющее большую распространенность практики «уоставления» в Городищах. На наш взгляд, здесь могут быть важны два фактора — структурный и количественный.

Во-первых, в Городищах не было своза «чужого» населения «по затоплению», т.е. структура входящих сюда деревень не испытывала каких-либо значительных искусственных потрясений, была более устоявшейся и в этом смысле более замкнутой. «Повседневная память» жителей Городищ, да и само понятие «местной идентичности», принадлежности локальному сообществу, должны были быть здесь иными, чем в «свеженной» Шоле.

Во-вторых, определенную роль должен был, видимо, играть и количественный фактор: если, как мы говорили выше, население Шолы в конце 1950-х гг. приближалось к 5000, то Городищи были значительно меньше — по оценке бывших жителей, чуть более тысячи человек во всех одиннадцати деревнях [Belozer_06. PF-10. КЛФ].

Количественный фактор нередко комментируется в работах, описывающих функционирование прозвищ. Так, в работе, посвященной коммуникативному анализу прозвищ в небольшой крестьянской общине на западе Испании, автор пытается установить нижний и верхний количественные пороги, в пределах которых создаются идеальные условия для функционирования прозвищ. Для деревень с незначительным населением, где большинство жителей связаны друг с другом узами родства, прозвища не имеют шансов на существование — в частности, в силу запрета произносить прозвища в присутствии родственников называемого. Нижним порогом автор считает 500 человек, а верхним, выше которого количество людей исключает наличие общего контекста местного знания и единства общественной оценки — 5–6 тысяч [Brandes 1975: 144–147]. В нашем случае Городище как раз попадает в эти количественные рамки, в то время как Шола в целом, видимо, уже нет.

Как бы то ни было, даже если вывод о большей распространенности практики прозвищного «устваления» проистекает от неполноты наших материалов, в настоящее время этой практики уже нигде нет. Чем это можно объяснить? Видимо, главным условием бытования традиции «устваления» является полнота социальной структуры деревни, причем не только количественная, но и качественная (гендерная, возрастная, профессиональная), которая обеспечивала бы разнообразные коммуникативные типы взаимоотношений между членами местного сообщества. В настоящее время это условие едва ли выполнимо даже в деревнях, которые, в отличие от Городищ, можно назвать «живыми»: *Тут еще теперь народу-то никого не осталось. Деревня-то была сплошная* [Belozer_98. БЛП]. Если раньше у всех домохозяев были прозвища [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ], то сейчас исчезают эти самые «домохозяева» и их «хозяйства», которые в еще не столь отдаленном прошлом обеспечивали функционирование сообщества в его более «традиционном» варианте. Количественное сокращение и качественная гомогенизация социальной структуры приводят к распадению как внешних, так и внутридеревенских связей, и, на наш взгляд, именно этим объясняется снижение роли прозвищной номенклатуры как механизма референции, различения, оценки и социального контроля. При этом мы имеем в виду именно сис-

темность этой номенклатуры, т.е. существование в ней разнообразных по жанру и структуре прозвищных текстов. Несомненно, некоторые фрагменты прозвищного континуума продолжают сохраняться, если не в коммуникативных практиках, то, по крайней мере, в коллективной и/или индивидуальной памяти, однако они становятся изолированными, теряя системное противопоставление другим элементам прозвищного континуума.

Сказанное имеет отношение и к системе однословных индивидуальных прозвищ и кратких прозвищных словосочетаний, составляющих абсолютное большинство в записанных нами интервью¹. К ним мы и переходим далее.

Стандартной реакцией многих информантов на вопрос о том, были ли в их деревне какие-либо прозвища, является утверждение, что раньше прозвища были у всех (ср.: *Без прозвища почти никто не жил. У каждого было прозвище* [Belozer_98. БЛП] — в отличие от теперешнего времени [Belozer_01. PF-10. КНА; Belozer_03. PF-3.2. КСВ]). Однако при непосредственно следующей за этим просьбе вспомнить хотя бы десяток обнаруживается некоторый парадокс: как правило, воспроизводится не более двух-трех, «остальные» же оказываются «забытыми»: [из письма информантки собирателю] *А деревенские прозвища бытовали всюду, их было так много всяких и разных в каждой деревне. Я помню их мало и назову немного* [Belozer_03. ПДА]. Образование прозвищ также относится информантами ко времени, лежащему вне их индивидуального опыта, так было «до нас»: *Всем какое-то было прозвище <...> Так было раньше, в наше время уже не было. Всяко осмеивали друга друга* [Belozer_03. PF-1.5. ТНИ].

Представление о том, что «раньше» все «обязательно» имели то или иное прозвище, вписывается в универсальную оппозицию «раньше — теперь». Как правило, противопоставление прошлого и настоящего имеет четко аксиологический характер, комплексно ассоциируясь у информантов с воспоминаниями о «хорошей» и «плохой» жизни (чаще всего, с «прошлым» ассоциируются отсутствие воровства, дружная жизнь, совместное

¹ Было зафиксировано лишь два исключения — насмешливые песни, по характеру напоминающие корильные. Первая была сочинена и исполнялась, по утверждению информантки, исключительно автором — женой, избившей любовницу мужа: *На Ивановском на озере / Качается паром / За Егорка чифилистную / Наскребали ведром* [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ] («чифилистная» — от слова «сифилис»). Вторая, как нам сообщили, была сложена некими деревенскими «парнями» об односельчанке, которая *волочилась* с человеком по прозвищу «Кыш» — однако когда и с какой целью она исполнялась, осталось неясным: *По деревне напролет / Кыш летит, как самолет. / Ирина в беленьких ботиночках / Херакает вперед* [Belozer_03. PF-1.12. ВАД].

празднование праздников и т.д., а «настоящее» представляется как время, в котором отсутствует взаимопомощь, продукты дорогие, люди спиваются, деревня вымирает и т.д.; более подробно об этом см.: [Баранова 2000: 69]). Однако в нашем случае остается не вполне понятным, какую роль здесь играет декларируемая «всеохватность» прозвищной номенклатуры. Иными словами — «хорошо» это или «плохо», что раньше у каждого якобы было свое прозвище? А также — почему в какой-то момент «потом» прозвища перестали давать?

Всего в течение ряда полевых экспедиций нами было зафиксировано 110 индивидуальных прозвищ, выраженных одним словом или кратким словосочетанием (список всех прозвищ приводится в приложении к работе; далее — «Словарь...»). Какие наблюдения и выводы позволяет сделать собранный корпус текстов?

а) Среди записанных прозвищ — 68 мужских, 39 женских и 3 «гендерно неопределенных». Насколько такое соотношение сходно с ситуацией конца XIX — начала XX вв., сказать сложно, т.к. многие индивидуальные прозвища из дошедших до нас этнографических работ того времени грамматически относятся к общему роду и могут с успехом быть как мужскими, так и женскими¹ (например: *Базуля, Галáша, Курша, Отяпа, Распóпа* [Ярков 1902]; *Зудíлка, Коковáня, Мoня, Трудна-копечка, Шуба* [Ярков 1899], *Галиба, Кавача, Кезя, Окома, Шкeня* [Прозвища крестьян 1898б]). В некоторых публикациях пол носителя прозвища указывается sporadически (например: *Бридка, Пяхтила, Барана* — женские; *Смáлина, Пакатила, Кастырка* — мужские [Прозвища крестьян... 1898а]). В небольшом количестве работ имеются пояснения неопределенных с точки зрения «гендерной принадлежности» прозвищ (например: *Рубец* (женск.), *Костылевка* (женск.), *Зобéнька* (мужск.), *Серúха* (мужск.) [М.Е. 1907]; *Коровья кума, Утичий носок* — женские, *Ежона мышь, Малина в рот, Кислое молоко* — мужские [Балов 1899]); и только в одной из работ Виноградова все приводимые прозвища разделены на две группы — женские и мужские [Виноградов 1901]. Мужских при этом — 121, женских — 45 (т.е. приблизительно 3:1). Этот же автор замечает: «У мужиков больше прозвищ, чем у баб, потому что бабы, ругаясь, употребляют общие ругательные названия.

¹ Вопросы об индивидуальных прозвищах были включены, например, в этнографическую программу В.Н. Тенишева (см.: [Быт... 1993: 425], раздел «Семья. Обычный порядок жизни»). Н.Ф. Сумцов также упоминает «составленные в 1886 году харьковской губернской земской управой бланки для подворной описи сел: в бланки эти, между прочим, вошла рубрика: прозвища и почему даны прозвища» [Сумцов 1890: 28].

У мужиков прозвища приобретаются на сходках, в кабаке¹, в артелях, а бабы сидят больше дома, поэтому у них прозвища получают только наиболее известные в каком-нибудь отношении <...> вывезет какой-нибудь мужик на сходке словцо, подхватят его, к кому-нибудь приложат — и пошла потеха впредь до нового: Шахир, Звяга, Одуй» [Виноградов 1901: 130].

В связи с последней цитатой примечательно утверждение одной информантки, что «раньше» *женщинам прозвища не было* [Belozer_03. PF-1.10. ВАН], хотя какое время она имела в виду, установить не удалось². С другой стороны, как мы покажем далее, сейчас три наиболее «живых» шольских прозвища принадлежат именно женщинам («Учительница», «Золушка» и «Вертёлка»), да и соотношение 3:1 изменилось в сторону преобладания прозвищ именно женских³.

б) Далекое не во всех случаях информанты были в состоянии соотнести прозвище и конкретного человека, которому оно было дано⁴, — в связи с чем, в частности, в некоторых случаях нам приходилось рассматривать одинаковые по форме прозвища как потенциальные синонимы, возможно, принадлежащие разным людям (см. в «Словаре...»: «Бобер», «Самолет», «Худяк»). В некоторой степени подобный подход оправдывается случаями, когда за разными людьми действительно закреплялись одинаковые прозвища (см.: «Помидор», «Сальник», «Чернобровый»).

За исключением одного (да и то несколько сомнительного) случая существования двух людей с совпадающими именами и фамилиями (у которых как раз **не было** прозвищ!) локальная прозвищная номенклатура едва ли призвана снизить риск перепутать одного человека с другим, носящим то же имя (т.е. нет ситуации «100 Иванов Ивановых»). Тем не менее, прозвища служили — и служат — альтернативной номинационной парадигмой, порой вытесняющей изначальную, основанную на реальном имени: *Если Вы придете в деревню и будете спраши-*

¹ Ср.: «Однажды старик крестьянин на предложенный мною вопрос, почему в селе дают уличные прозвища, ответил: “А то старые люди в шинках понадавали” [Сумцов 1890: 33]; «пьянические прозвища» [Там же: 34]. Кабак, как известно, был одним из главных публичных и преимущественно «мужских» мест в деревне.

² Д. Гилмор в своей работе, посвященной прозвищам в традиционной средиземноморской культуре, отмечает, что они характерны, в первую очередь, для мужской части сообщества и передаются от отцов к сыновьям; используются прозвища также в основном мужчинами как средство борьбы за общественную репутацию (по подсчетам Д. Гилмора соотношение мужских и женских прозвищ приблизительно равно 10:1; см.: [Gilmore 1982: 690–692]).

³ Ср. с тем, что мы говорили выше об «уоставлениях» как жанре преимущественно женского «устного репертуара».

⁴ Чем, в частности, объясняется наличие в списке трех неопределенных в гендерном отношении прозвищ.

вать Андрея Смирнова, показать где его дом, то Вам скажут, что такого не знаем и никакого Смирнова в их деревне нет. А если спросите: — Где живет Андрей Бобер? — Вам сразу покажут его дом [Belozer_03. ПДА, из письма]; Жил старик Большаков Василий, по имени и фамилии его никто не знал во всем сельском совете [Там же]; А даже зовут ее как — я не знаю. Эту... зубовскую Золушку, я не знаю [смеется] [Belozer_04. PF-1. КМА]; также [Belozer_04. PF-10. ПЕА, ТЗА; Belozer_04. PF-11. ГНИ; Belozer_03. PF-3.2. ИЗА; Belozer_03. PF-1.6. ПДА]¹. Не раз информанты рассказывали нам, как в той или иной ситуации не понимали, о ком идет речь, — пока человека не называли по прозвищу [Belozer_03. PF-1.10. ВАН; Belozer_03. PF-1.14. РВ; Belozer_03. PF-3.9. БЛА]².

В связи с последним характерен сюжет, который можно было бы назвать «детская ошибка» или «ошибка новичка». В этом сюжете человек (ребенок или новичок, т.е. например тот, кто недавно приехал в данное сообщество, включая и антрополога) совершает коммуникативную ошибку, обращаясь к человеку по прозвищу, которое он считает настоящим именем. Вот несколько примеров: 1) в деревне была бабушка Лукция по прозвищу Торба. Однажды сосед послал к ней свою маленькую дочку за луком, и девочка обратилась к ней: «Бабушка Торба». Той страшно не понравилось: «Ах ты, змея!!!» [Belozer_03. PF-1.8А. БЛП]; 2) у одного деда было прозвище «Шило», и однажды маленький мальчик обратился к нему: «Дедушка Шило, дай мне...» — на что тот *очень рассердился* [Belozer_04. PF-10. ПЕА, ТЗА]; 3) *в прошлый год, аль запрошлого года была женщина... приходит к ней за водкой и говорит: «Ты Золушка-то?» Ей, конечно, не понравилось, ну, в глаза нельзя так говорить... Ей, видимо, не понравилось... «Уйди отсюда, я тебе и водки не дам!»* [Belozer_04. PF-8. КСВ]. Как видно из приведенных примеров, подобная коммуникативная ошибка, несмотря на то, что совершаться она может ребенком и в любом случае «не со зла», тем не менее вызывает сильную негативную реакцию; может быть, как раз то, что из подобного обращения

¹ Ср.: «[Прозвища] настолько употребляемы в обыденной жизни крестьян, что <...> составля[ют] в этом отношении, пожалуй, второе имя, или, в крайнем случае, заменя[ют] собою официальную фамилию. Так, многие обыватели неизвестны по фамилии, а популярны по прозвищу» [Ярков 1902: 127].

² Создание, если можно так сказать, «дополнительной прозвищной идентичности» может быть одним из резервов «комического», используемого не только теми, кто *осмеивает* [Belozer_03. PF-1.5. ТНИ] других, называя их про прозвищам (см. выше об уставлениях как «вечерах юмора»), но и самими носителями прозвища. Вот характерный пример: «Молодчик» — *тоже у мужчины было [прозвище] <...> Так вот, был случай, значит, на работе, он чё-то, э тот... загулял ли... так он и говорит: «Вчера выпивали, дак... э тот... Тихомиров, да Молодчик, да я...» Это все в одном лице трое! [А! Это он сам и был Тихомиров, да?] Да! [А, на троих сообразили!] Ну вот, и погулял! [Belozer_04. PF-9. КВВ].*

становится ясно, что даже детей или тех, кто в деревне «без году неделя», уже «посвятили в прозвище», злит его носителя еще больше. Кроме того, подобная реакция может быть связана с тем, что за прозвищем может стоять что-то не делающее чести его носителю — о чем детям еще рано, а «чужакам» просто не положено знать (“group cryptic internal details” [Schindler 2002: 72]). Только в одном из записанных нами рассказов такая ошибка была «прощена»: *Майдан. А муж-то ее... они в лес-то шли, и им чего-то понадобился... был у него взят один топор, он это... понадобилось ему еще чё-то... «Иди-ка, попроси... это... у Майдана топора». Она пришла, и думала, его так зовут. И грохнула эдак назвать его. Подошла, сказала: «Дяденька Майдан, дай, пожалуйста, топора». Он дал топора, но таким взглядом, говорит, на меня посмотрел... Она пришла и говорит: «Знаешь, чего?.. я подошла, — гыт, — ему сказала: “Дядя Майдан, дай топора”». — «Зачем ты! Ему же это прозвище!» <...> но он понял, человек, что она чужая, она только первое время живет, и вот... с Мартыновского, да в Сотозеро... другой сельсовет... вышла замуж-то [Belozer_04. PF-1. КМА].*

В связи со сказанным следует подчеркнуть важность структурного аспекта при рассмотрении прозвищ. Степень принадлежности собеседника местному сообществу, степень его социализации в нем, степень владения контекстом «местного знания» — все это напрямую или опосредованно относится к параметрам структуры. На наш взгляд, когда уже цитировавшийся Д. Гилмор пишет, что люди “dislike being called after labels imposed by unrelated others, feeling that this ‘cheapens’ them” [Gilmore 1982: 691–692], он не совсем прав: дело как раз в том, что эти «другие», с одной стороны, действительно «чужие» (“unrelated”) (т.е., например, не члены семьи), однако это «значимые другие», члены сообщества, «соседи» (в расширительном смысле слова).

в) Во многих случаях в записанном корпусе прозвищ заметно отсутствие мотивирующего контекста — почему и в какой ситуации то или иное прозвище было закреплено за тем или иным человеком (например: «Задрыга», «Заруба», «Кот», «Лимон», «Майдан», «Писарь», «Торба», «Шило» и др.). Или же мотивировки придумывались информантами ad hoc и вызывают определенные сомнения (например: «Белочка», «Борман», «Гebbельс», «Енот»).

То же самое, в принципе, касается и подборок индивидуальных прозвищ конца XIX — начала XX вв.: большинство из них (см. например: [Виноградов 1901; Прозвища крестьян 1898б; М.Е. 1907; Ярков 1899; Ярков 1902]) представляют собой сплошной список слов, как правило, без каких-либо поясне-

ний. Несколько лучше обстоит дело в работах [Шустиков 1899; Балов 1899; Прозвища крестьян... 1898а], где иногда предпринимается попытка толкования, как возникло то или иное прозвище и что оно означает. Лишь Н. Сумцов в «Культурных переживаниях...» анализирует происхождение и мотивировку прозвищ и приводит некоторые примеры их функционирования, хотя часто его объяснения выдержаны в духе «наивной романтизации» (ср.: «Современный малоросс потерял некоторые симпатичные черты характера малоросса прошлых столетий и, прежде всего, огрубел в проявлениях общежития» [Сумцов 1890: 37]).

Поскольку любое прозвище так или иначе было дано по какому-то поводу, можно предположить, что оно обладает большей «инерцией», чем мотивирующий его контекст¹. На наш взгляд, характерным подтверждением в этом смысле является практическое отсутствие «прозвищ по случаю», т.е. того, что можно назвать «персональным этиологическим нарративом», строящимся по формуле «событие X — и с тех пор его стали звать»². В таких нарративах единичный случай приобретает статус онтологического факта, определяющего «прозвищную идентичность» человека³. Кроме уже приводившихся выше «насмешливых песен» (см. сноску 1 на с. 9), пожалуй, под эту категорию попадает лишь три прозвища из нашего «Словаря...»: 1) «Гуляй Нога», 2) «Иконка» и 3) «Казнея». К последнему прозвищу мы еще вернемся в контексте разговора о прозвищах и конфликте.

¹ Ср.: «Забвение основного значения прозвания» (Жиран — от «жирафа», но соотносят с жиром или жаром) [Сумцов 1890: 30].

² Имеются в виду прозвища такого рода: «“Жаренник” (прозвище — когда он был небольшой, то ходил однажды в лес за грибами; увидав гриба, он закричал своей сестре: “бошадка (божатка — крестная мать), грип!” “Положи в зобеньку” (корзина)! “Бошадка, ошарил (ожарил), принесем домой, да на шәеннике и ошарим!” С тех пор и прозвали его жаренником» [АРЭМ. Ф. 7. Д. 100. Л. 2]; «“Сазан”. Прозвище такое получил крестьянин вследствие того, что на базаре раз он украл сазана и был затем пойман с поличным; “Клеенка”. Крестьянин попытался раз украсть в лавке клеенку, но кража не удалась и его в насмешку стали звать клеенкой» [Балов 1899: 281] (см. также: [Прозвища крестьян... 1898а: 423] — прозвище «Телятник»; [АРЭМ. Ф. 7. Д. 100. Л. 4] — прозвище «Косой»; [Балов 1899: 282] — прозвища «Шукал», «Паторы», «Матушкин»; [Сумцов 1890: 32, 34] — прозвища «Лыгения» и «Пугачка»). Ср. также: «Народ не пропускает ни одного случая в жизни, чтобы за какой-нибудь проступок не заклеить не только провинившегося лица на всю жизнь, но даже все его потомство» [Ярков 1902: 127].

³ Говоря об этиологических нарративах, можно отметить, что название села Зубова, самого большого в кусте деревень с общим названием Шола, мотивировано через прозвище его мифологического основателя: по сведениям из альбома «Тихая моя Родина», хранящегося в местной сельской библиотеке, «давным-давно жил в этих краях человек большого роста, жил сам по себе, отдельно от других. Однажды, когда мужчины ушли из деревни на охоту и остались только старики, женщины и дети, на селение напали новгородские ушкуйники. И тогда этот мужчина, по прозвищу Зуб, дал бой врагам на реке Китле. В честь его победы и закрепилось за селом название — Зубово».

Итак, понимание прозвища (а следовательно, и прагматики его употребления) невозможно без посвященности в контекст «местного знания», которое бы поддерживало соответствующие ему прозвищные нарративы, что, в свою очередь, требует определенной «плотности» и разнообразия социальной структуры¹. Отсюда вытекает и основная методологическая задача при сборе прозвищ — узнавать стоящий за ними и эксплицирующий их контекст. В противном случае результатом работы будут списки немотивированных наименований (подобно тем, какие в изобилии встречаются в материалах второй половины XIX в.), значение и, следовательно, возможный характер бытования которых останутся совершенно неясными².

В этом отношении наиболее показательными будут «бренные» прозвища, которые, как мы покажем, могут быть в полном смысле этого слова «ложным другом» антрополога.

г) В чем состоит «бранный» характер прозвища? В некотором смысле любое прозвище как квази-имя, как замена имени настоящего может вызывать, и чаще всего вызывает неприятие того, кому его дали: *А... обижается, она и сейчас обижается, если назови... назовет... Да. Прошлый год — кто ее кликнуто: «Шура Ломка!» — кааца, Зоя, дак... Дак она-то обиделаси — «Уменя имя есь!»* [Belozer_01. PF-10. КНА]³. Не исключено также, что прозвище может порождать ассоциации с кличками животных, хотя оно обычно не используется в качестве формы обращения. Похоже, однако, что существуют дополнительные факторы, сближающие прозвища с оскорблением — вплоть до полной их идентификации.

Во-первых, хотелось бы обратить внимание, что именно глагол «ругаться» наиболее часто употребляется нашими информан-

¹ Ср.: [о прозвищах, относящихся к индивидуальным особенностям или особым событиям в жизни членов сообщества] “[They] attest to a high measure of mutual familiarity and concern for the lives and habits of others <...> Such labeling makes sense only in a culture in which people constantly confront each other personally and know each other’s business” [Schindler 2002: 69].

² Ср. мысль о том, что при изучении прозвищ следует сместить акцент с их формально-лингвистической стороны: “Some anthropologists... have argued plausibly that the denotative function is at best minimal or secondary” [Gilmore 1982: 689].

³ Об использовании прозвища вместо настоящего имени иногда говорят как о «вторичном крещении» или «краже» настоящего имени: “[a person gets] rebaptized with a nickname”; “theft of official family cognomen” [Gilmore 1982: 694, 695]. Впрочем, иногда люди могут не только не обижаться, но даже выражать приятие, когда к ним обращаются по прозвищу, — видимо, многое здесь зависит и от взаимоотношений говорящих, и от таких сопутствующих факторов, как интонация и пр. Так, по сообщению одного информанта, в соседнем селе жил человек, который в разговоре очень любил «преувеличивать», за что и был прозван *Бухтíной, Бухтíнушкой*. Однако произносили прозвище *ласково*, прямо в лицо этому человеку; говорили: *«Ты нам не бухти!» т.е. не придумывай того, чего нет* [Belozer_03. PF-1.6. ПДА]. Одна из наших информанток рассказала, что обычно говорит своему соседу: *«Здравствуй, хохол», — он не обижается. Это у него «как прозвище»* [Belozer_03. PF-3.6. БЛП].

тами при ответе на вопрос о том, были ли в их деревне прозвища: [Ну, а может, когда Вы еще ребенком были, были у вас какие-нибудь прозвища?] *Ругались всякими руганями. Ну, как сейчас матюгаются, так это в деревне тогда не было до войны* [А разве прозвища — это ругань?] *Дак... кому какое дадут прозвище* [Belozer_04. PF-1. КМА]; *Ругала мужа «Жилин-Костылин»* (т.к. был худой. — А.К.) [Belozer_04. PF-3. ТЗА]; [Брата М.] *ругали «Енотом» — пить рабочим не давал, за всем наблюдал, нос всюду совал* (информантка просит у Бога прощения за то, что осуждает людей) [Belozer_04. PF-10. ПЕА]; также [Belozer_03. PF-1.3. ФГИ; Belozer_03. PF-1.5. ТНИ; Belozer_03. PF-1.8А. БЛП; Belozer_04. PF-7. МНС; Belozer_03. PF-1.9. КСВ; и пр.]¹.

Кроме того, чтобы ответить на вопрос, что составляет «бранность» прозвища, следует делать различие между планом их содержания и выражения. Что касается первого, то «бренный» характер прозвища будет определяться, в первую очередь, лежащей в его основе пейоративной оценкой; при этом в плане содержания возможны, по крайней мере, два основных варианта.

С одной стороны, есть прозвища, сама языковая форма которых свидетельствует об их бранном характере, т.е. о том, что они, скорее всего, являются «нелицеприятным комментарием» в адрес человека — например: «Соплеватый» [Belozer_03. PF-1.9. КСВ], «Геббельс» [Belozer_04. PF-5. БТН], «Задрыга» [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]. С другой стороны, существуют прозвища, на первый взгляд не содержащие ничего негативного, однако подобная внешняя невинность может оказаться обманчивой: порой знание мотивирующего их контекста выявляет их истинный «бренный» характер².

Одним из самых характерных примеров последнего является прозвище одной пожилой жительницы Шолы — «Учительница»; казалось бы, ничего отрицательного в нем не заключено и оно, наоборот, может свидетельствовать о признании профессиональных заслуг женщины, долгое время проработавшей в местном детском интернате. Именно так мы воспринимали это прозвище в течение довольно долгого времени, пока од-

¹ Ср. пример («анекдот») из статьи Н.В. Дранниковой: «Идут навстречу две старушки. Одна говорит другой: — *Здравствуй, Гусиха!* — *Здравствуй, Копачиха!* Другая: — *Ты что бранишься?* Другая: — *А ты что?* В ходе разговора выяснили, что так зовут обитателей деревень, в которых они проживают. (“Гусиха” — от д. Гусево. “Копачиха” — от д. Копачево)» [Дранникова 2000].

² Ср. предостережение принимать «прозрачность» подобных прозвищ на веру: “In general, though, we would do well to approach the extremely negative (as well as the especially positive) epithets with particular caution, since they all too often meant just the opposite of what they appeared to” [Schindler 2002: 64].

нажды нам не рассказали, что, собственно, за ним стоит. Оказалось, что эта женщина, оставшаяся после войны молодой вдовой, была деревенской притчей во языцех: *Так уж я уж не... не посчитайте меня за злобу <...> но было... звали ее ребята «Учительницей» — то есть всех молодых ребят она учила вот этому промыслу* [Belozer_01. PF-13. БЛП]. Сложилось это прозвище, как сообщила информантка, тогда, когда однажды так сказал один из этих «молодых ребят», т.е. «учеников» [Там же]. В дальнейших интервью — после просьбы никому не говорить (*Ой, не надо... не надо говорить-то*) — были сообщены дополнительные сведения, имеющие отношение к этому прозвищу: *А у меня сватья-то <...> да? Была уж полная — девчонки, я уж как своим... говорю — проститутка уж полная. Дети от четырех мужей, да кроме мужей-то было* [Belozer_03. PF-3.6. БЛП]; *Сто раз замуж вышла* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]. Когда выяснилось происхождение и, следовательно, содержание прозвища «Учительница», особую, если можно так сказать, пикантность приобрело любимое занятие его носительницы — показывать хранящиеся в личном альбоме открытки от бывших подопечных из интерната с поздравлениями «Дорогой учительнице...»¹.

Другим примером является прозвище «Золушка», которое было дано его носительнице не столько за трудолюбие вообще, сколько за ее неусыпную деятельность в ночной торговле алкогольными напитками — водкой и ее местным эрзацем, называемом в народе «Троя»². Многие годы Золушка снабжала ими как односельчан, так и заключенных местного лагеря, в котором работала [Belozer_03. PF-1.7. ГАП; Belozer_03. PF-3.8. КИЯ; Belozer_03. PF-3.6. БЛА; Belozer_04. PF-1. КМА; Belozer_04. PF-4. МС; Belozer_04. PF-5. БТН и др.]. Вообще мнение односельчан о Золушке не слишком высоко: *Ни х... она, не... сказать по-русски, не понимает. Она врет только, да огребает* [Belozer_03. PF-3.8. КИЯ]; *Ну такая, проходимка, можно сказать, на всё* [Belozer_03. PF-3.6. БЛА] и *вдобавок вечно грязная* [Belozer_03. PF-1.9. КСВ].

Таким образом, нередко «бранную» природу прозвища можно установить, только «развернув» его до мотивирующего его повествования о конфликтной ситуации, в которой оно сформировалось, а также учитывая то, с какой интонацией оно произ-

¹ А также то, что теперь она старается всячески подчеркнуть тяготы своей «одиноким вдовой жизни» и прилюдно высказывает свое возмущение тем, что деревенская молодежь загорает в бикини (кричит им, что они б... [Belozer_03. PF-3.6. БЛП]).

² Настоящее название — «Трояр», «средство для ванн тонирующее», содержит 90% этилового спирта. Популярность «Трояра» велика — притом что в Шоле, насколько нам известно, нет ни одного дома с ванной.

носится¹. Без этого невозможно понять, почему внешне «безобидные» прозвища могут быть особо табуированными при общении с их «носителями» и употребляться исключительно «заглазно»; а также почему, как и в случае сплетен, существует запрет на их передачу: [А у Вас было прозвище?] *У меня? Не знаю чё-то дак... Моот* [может], *там на стороне где, и не знаю... а чтоб в глаза так — не слыхала* [Belozер_01. PF-10. КНА]; *В глаза не скажут, конечно... обидно* [Belozер_03. PF-1.14. ФЕИ]; [А ты вчера говорил, что у нее прозвище «Вертелка» — а еще какие-нибудь прозвища тут есть?] *Вы только ей не скажите, что...* [Не, мы знаем, что нельзя!] *А я откуда знаю, какие... я вот у нее дак знаю — мы как переехали, ее все чё-то Вертелка зовут.* [Ну, не в глаза, а вот...] *Не-ет, ты что!* [Belozер_04. PF-4. МС]; также: [Belozер_04. PF-9. КВВ; Belozер_04. PF-5. БТН; Belozер_04. PF-12. БДА; Belozер_04. PF-14. ТНИ; Belozер_04. PF-8. КНА и др.]².

Принцип «не называть по прозвищу в глаза» распространялся и на ближайшее окружение носителя прозвища, в частности на его родственников: уже упоминавшегося Енота один раз назвали так в присутствии его родственницы лишь потому, что не знали об их родстве [Belozер_04. PF-10. ТЗА]; в другом случае жена, услышав, как ее мужа называют по прозвищу («Сальник»), обиделась и научила его сделать то же самое по отношению к обидчику [Belozер_03. PF-1.2. ЕАК]; еще об одном прозвище («Шурка-Глиста») нам было сообщено только тогда, когда сестра этого человека вышла из комнаты, где проводилось интервью [Belozер_04. PF-9. НВИ].

Отметим, что «семейная солидарность» — это один из типов «солидарности», проявляющийся как в назывании по прозвищам, так и в процессе передачи сплетен. «Заглазное» («по заглазью»³

¹ Ср.: «Чтобы очернить кого-либо в глазах общества болтуны прибегают к своему излюбленному приему — придумывают этому человеку прозвище. Оно всегда отлично от тех кличек, которые молодые люди придумывают себе сами. Эти прозвища всегда всегда уничижительны, но не в смысле тех слов, из которых они состоят, так как обычно выбираются слова нейтральные, не содержащие ничего обидного. Эти прозвища уничижительны в смысле того насмешливого тона, с которым они произносятся» [Fonseca 1984: 2227].

² Ср.: «Широко распространенная в крестьянской среде традиция давать прозвища, в первую очередь насмешливые или бранные: “Не всякий крестьянин имеет фамилию, но зато каждому дано бранное прозвище, которого он терпеть не может. Такими прозвищами крестьяне обзывают друг друга больше заглазно, а лично — только тогда, когда хотят оскорбить и рассердить. Прозвища осмеивают физические или нравственные недостатки людей[:] Митька-замотай, Ванька Свистун, Залешный, Чичикало... Чивонька, Тюфлей, Кубышка... Шарашка, Сочень, Беда, Козень, Пискун... Паук, Замурзай и т.д.”» [РГИА. Ф. 1022. Д. 63. Л. 167].

³ Метафора «зрения» вообще очень интересна в контексте разговора о «знании» и его передаче: о некоторых вещах следует говорить исключительно «за глаза»; ср.: «За глаза и про царя говорят», «Заглазно и архиерея бранят» [Даль 1998: 1417]; «Позабчи и баба князя судит» [Михельсон 1994: 327] и пр.

[Belozer_04. PF-2. КНА]) название кого-либо бранным прозвищем коммуникативно «обыначивает» данного человека, выводит его за пределы коммуникативной ситуации говорящих. Обуславливается подобное коммуникативное исключение именно содержанием сообщаемого — информацией, «не делающей чести» тому, о ком идет речь, максимально развернутой в случае сплетен и предельно сжатой в случае бранного прозвища. Помимо сходства коммуникативной конфигурации содержания и образа бытования, сплетни и бранные прозвища можно рассматривать как взаимодополнительные механизмы поддержания повседневного «негативного» знания в отношении конфликта, вызвавшего их появление.

Проиллюстрировать сразу несколько отмеченных выше особенностей бытования бранных прозвищ хотелось бы на примере, пожалуй, самого распространенного в местной традиции прозвища — «Вертелка». В Шоле оно известно всем, и многие уже не помнят настоящего имени его носительницы, одной пожилой местной жительницы. В целом ряде интервью с разными информантами мы просили объяснить, что это прозвище значит и почему оно было дано. Полученные ответы можно приблизительно разделить на несколько групп.

В первой группе прозвище объяснялось общей манерой говорить, свойственной его носительнице, и, кроме того, ее склонностью к болтовне и сплетням: *Говорит так быстро, вот поэтому и дали* [Belozer_03. PF-3.8. КИЯ]; *пустомелка* [Belozer_03. PF-3.1. ТЗА, ПЕА]; *любит сплетничать, осуждать* [Belozer_03. PF-3.3. КИЯ].

Ко второй группе относятся ответы, в которых информанты пытались связать прозвище с ловкостью его носительницы зарабатывать, причем не всегда дозволенными способами: *Берет деньги и не отдает <...> Подешевле купит, подороже продаст* [Belozer_03. PF-1.7. ГАП]; *на трех работах работала, она бойкая такая, вот и прозвали* [Belozer_03. PF-3.3. КИЯ]; *всё ловчила, где обманом, где хитростью* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП].

В третью входят попытки ассоциаций имени «Вертелка» с образами вращательного движения: *Она туда и сюда, направо, налево* [Belozer_03. PF-3.3. КИЯ]; *крутит-вертит. Вертелка — крученная* [Belozer_03. PF-1.7. ГАП]; *проверни и выверни* [Belozer_03. PF-1.10. ВАН]; *прозвище дано, что она молодая была, с мужиками вертелась много <...> а во-вторых — скажет одно, а делает другое, вот, вроде переворачивает всё. В другую сторону* [Belozer_04. PF-7. ЮЭГ].

Итак, данное прозвище, скорее всего, содержит нелицеприятный комментарий сообщества по отношению к своей односельчанке (в общении с ней его никогда не употребляют — *в глаза не скажут... обидно* [Belozet_03. PF-1.14. ФЕИ]); при этом разброс объяснений прозвища достаточно широк и, видимо, представляет собой открытый список.

В этом смысле интересно, что многие информанты пытались связать смысл данного прозвища с колдовским искусством женщины, переданным ей, по общему убеждению, по наследству — как и само прозвище: *У ёй был отец, он, как говорится, сумел... вернуть и вывернуть... вертел. И ёй так прозвище осталось — Вертелка* [Belozet_03. PF-3.6. БЛА]; [Она] *вроде знает тут кой-чего; ходили тут, кой-чего она делала; разводила, сводила, говорят* [Belozet_03. PF-1.14. ФЕИ]; *Она может спокойно обойти кругом — и до свидания. Вот я попадала к ней на руку...* (далее следовал рассказ о том, как Вертелка «озыкнула» (сглазила) информантку, так что та заболела [Belozet_98. БЛП]); на основании этого случая информантка сделала обобщающий вывод: *Вертелка обойдет — будешь болеть* [Belozet_03. PF-1.13. БЛП]). В том же интервью было поведено о том, как Вертелка, в полном соответствии с традиционными рассказами о мстительных колдунах, остановила поминальную процессию — машина с гробом не могла тронуться с места до тех пор, пока она не встала перед машиной и не раскинула руки (очевидно, сняв таким образом свои собственные чары) [Там же]. В тон этому рассказу прозвучала история о том, как, выходя из автобуса, где ехала информантка, Вертелка пожелала всем *мягкой посадки*, после чего в одном колесе прямо на ходу *все гайки раскрутились* и только молитва Господу и Богородице да профессиональное мастерство водителя помогли предотвратить неминуемую катастрофу. В конце рассказа информантка приговорила: *Я думаю, что это она* [Belozet_03. PF-1.14. РВ]. Вспомнили и о том, что Вертелка якобы сожгла соседский дом и грозилась сжечь еще, если на нее будут думать [Belozet_03. PF-1.13. БЛП]. А местные церковные активисты абсолютно убеждены, что *у ней тожо дьявольские заговоры, тожо от дьявола* [Belozet_03. PF-3.1. ТЗА, ПЕА].

Как уже отмечалось выше, мотивировка прозвища может «размываться» внутри сообщества, вплоть до ее полного забвения (некоторые информанты, хотя и прекрасно знали прозвище «Вертелка», отказывались его хоть как-то объяснить — может, впрочем, потому, что не хотели или боялись, например: [Belozet_03. PF-1.4. ПЕФ; Belozet_03. PF-1.9. КСВ]). Мы отмечали также, что подобный процесс может сопровождаться «реэтимологизацией» полузабытого или неяс-

ного прозвища. Похоже, что здесь мы имеем дело как раз с подобными процессами: жители деревни опасаются «колдуньи» по прозвищу «Вертелка» и «подверстывают» под ее прозвище все «плохое» / «опасное», что им известно о его носительнице. Прозвище, притом что оно сохраняет общую отрицательную коннотацию, оказывается «удобным» для такого расширительного толкования, «вбирая» в себя дополнительные негативные значения, изначально, скорее всего, ему не свойственные. То, что «колдовские способности» женщины вряд ли имеют отношение к ее прозвищу, в некотором смысле подтверждается тем, что сама Вертелка, не только не скрывающая, но и всячески подчеркивающая свое колдовское искусство¹, обижается на свое прозвище: видимо, для нее эти два момента никак не связаны между собой.

* * *

И еще несколько заключительных наблюдений над соотношением прозвищ и конфликта.

1) Как мы уже говорили, закрепление бранного прозвища за человеком может отражать характер его участия в произошедшем конфликте или ряде конфликтных ситуаций. Именно в них поведение человека получает общественную оценку, которая, нарративизируясь, «кристаллизуется» в виде бранного прозвища. «Расшифровка», или «раскрытие» бранного прозвища не представляет большого труда для компетентных носителей традиции, владеющих контекстным знанием о социальных отношениях своего сообщества.

Иными словами, бранные прозвища можно представить как коммуникативные «коды», в которых «запоминается» конфликтная повседневность.

Приведем еще один характерный пример. В Шоле был записан рассказ о женщине по прозвищу «Казнёя», скорее всего относящийся к 30-м гг. прошлого века. Инф.1: *Да, у нас Казнею водили по деревне... Украла она у кого... подождите [неразб.]... суп. [Суп?!] Инф.1: Да! [радостно смеется]... и вот ей привязали как-то тут это... по деревне водили. [В кастрюле, что ли?] Инф.1: Да... Инф.2: Так-то не пойдет, а ведут ей! [А что, вся деревня собралась, смотрела?] Инф.1: Да. Воровала... Инф.2: Ее и проучили! [Belozer_03. PF-1.14. КАА, ЛВ].*

¹ Вертелка с удовольствием рассказывает, как общается с лешим, сводит и разводит, сажает смертные «килы» и проч. (например: [Belozer_03. PF-1.8. ДАЯ; Belozer_03. PF-3.4. ДАЯ]), поддерживая таким образом свой «рейтинг» «знающей» в глазах местного сообщества (более подробно об этом см.: [Жаворонок 2002: 281–282]).

Бранные прозвища обладают большой «инерцией» — возникнув раз, они обычно закрепляются надолго, так что потом от них бывает очень трудно, если вообще возможно избавиться: *Прозвище это... пронесется долго* [Belozer_03. PF-3.6. БЛА]. В данном случае прозвище оказалось долговечнее своей героини: Казнея давно умерла, но прозвище ее живет¹ и легко развивается носителями традиции до нарратива о совершенном ей когда-то проступке.

2) Приведенное описание представляет собой достаточно позднюю фиксацию широко распространенной в дореволюционной крестьянской России практики «позорящих наказаний», главным элементом которых было «вождение» провинившегося по деревне с привязанными «вещественными доказательствами» преступления (например, того, что он украл)². Если в позорящем ритуале центральным объектом общественных санкций становится тело, то в словесных практиках социального контроля — имя человека. Это верно как в отношении сплетен (об этом см. [Kushkova 2004]), так и в случае называния по прозвищу, особенно если оно носит бранный характер в том смысле, в каком это было описано выше. Называние вообще, и называние по прозвищу в частности, является элементом социального контроля: человек всегда знает, что его прозвище существует и что его в любой момент могут употребить, за глаза или в глаза.

Прозвища как «минимальные единицы» общественного мнения являются составляющей категории «репутации», которая может быть определена как совокупность того, что находится в памяти членов сообщества о том или ином человеке и учитывается при взаимодействии с ним. Репутация, не являясь в строгом смысле слова «статусной» характеристикой, относится скорее к категории народного правосознания³ и важна, в первую очередь, именно в различных практиках обычно-правового регулирования.

3) Конфликт является «сильным контекстом» не только формирования, но и актуализации прозвища. Именно во время

¹ С другой стороны, прозвище, особенно для впервые приехавшего в местное сообщество, например для антрополога, может предшествовать непосредственному контакту с человеком, «опережать» этот контакт — как не раз случалось в нашей практике.

² См. об этом [Кушкова 2006] (особенно о смеховой составляющей позорящих наказаний и схождении в них «конфликтности» и «карнавальности») [Там же: 225–226] в связи со смеховой реакцией информантки в приведенном выше тексте о воровке супа).

³ Ср.: “Nicknaming practice of plebian culture registers every deviation from its own norms and reacts with extreme sensitivity to any attempt to escape its control” [Schindler 2002: 75].

ссоры «заглазные» прозвища могут произноситься в лицо: [А в глаза тоже зовут, или...?] *Ну нет! В глаза кто на... это кто будет так просто... с злости с какой назовет, а так, дак ну что ты! Это не дай боже ее назвать так. В глаза* [Belozer_04. PF-1. КМА]¹. Будучи произнесенным, прозвище актуализирует знание участников коммуникации о конфликте, имевшем место в прошлом. Примером такой актуализации был рассказ о ссоре, произошедшей во времена Перестройки между Учительницей и ее сватьей. Первой показалось, что сватья получила в сельсовете больше талонов на продукты, чем она; последовала перебранка, в ходе которой Учительница упрекнула сватью в том, что та привела в дом женатого мужика — на что ей тут же было «напомнено» ее прозвище и детали ее «учительского» прошлого — *был повод сказать; иначе бы не стала поминать* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]. Нам неизвестно, как развивалась эта ссора дальше, но сам по себе факт такого «припоминания» кажется значимым для иллюстрации того, как через бранное прозвище может воспроизводиться контекст прошлых конфликтов.

По самой логике конфликтной ситуации детали «неблаговидного» поведения соперника служат «аргументами», доказывающими его неправоту; чем большее количество этих деталей говорящий может привести, тем сильнее его позиция². В этом смысле бранные прозвища идеально подходят в качестве подобного рода «аргументации». С другой стороны, как и любая форма словесной агрессии, обмен бранными прозвищами может выполнять компенсаторную функцию, предотвращая перерастание конфликта в более тяжкие формы: *Разругаемся, но не деремся, а обзываемся* [Belozer_03. PF-1.3. ПДА].

В данной статье мы затронули только некоторые вопросы, касающиеся прозвищной номенклатуры и прагматики прозвищ в отдельно взятой локальной традиции. Мы постарались обозначить лишь основные моменты, поддерживаемые собранным нами материалом. В заключение хотелось бы подчеркнуть большой потенциал рассматриваемой здесь темы для изучения практик социального взаимодействия в небольших и относительно ограниченных сообществах.

¹ Ср. о «бранных прозвищах»: «Таковыми прозвищами крестьяне обзывают друг друга больше заглазно, а лично — только тогда, когда хотят оскорбить и рассердить» [РГИА. Ф. 1022. Д. 63. Л. 167].

² Отсюда и то, что можно назвать «лавинообразным» развертыванием текста ссоры, когда начинается обоюдное вспоминание «грехов» противоположной стороны — не только непосредственного соперника, но и его родных, близких и т.д. (см. об этом: [Кушкова 2000: 315, 319–320]).

Сокращения

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Библиография

- Балов А.* Материалы по народному языку, собранные в Пошехонском уезде, Ярославской губ. // Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 287–283.
- Баранова В.В.* Рассказы современных крестьян о прошлом и настоящем // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 68–77.
- Виноградов Н.* Шишкинская волость, Костромского уезда // Живая старина. 1901. Вып. 3–4. С. 130.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Ред. А.И. Бодуэн-де-Куртенэ. М., 1998.
- Дранникова Н.В.* Прозвищный фольклор: состав и проблематика изучения [электронный ресурс: Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера. Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2000] <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=3&book_sub=3_8>.
- Жаворонок С.* Знающие: мифологический персонаж и социокультурный статус // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: Сб. в честь Н.М. Герасимовой. СПб., 2002. С. 266–285.
- Кушкова А.* О некоторых коммуникативных аспектах крестьянской ссоры второй половины XIX в. // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. Вып. 2. СПб., 2000. С. 303–334.
- Кушкова А.* Позорящие наказания в системе обычно-правового судопроизводства российских крестьян второй половины XIX — начала XX вв. // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 212–242.
- М.Е. [Едемский М.Б.]* Прозвища в Кокшеньге, Тотемского у. // Живая старина. 1907. Вып. 1. Отд. 5. Смесь. М.Б. Едемского. С. 2.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. М., 1994. Т. 1.
- Прозвища крестьян сельца Березовки Дмитровского уезда, Орловской губ. // Живая старина. 1898а. Вып. 3–4. Отд. 2. С. 421–423.
- Прозвища крестьян Южной части Череповецкого уезда: Материалы лексикографические по Новгородским говорам. 1: Слова Череповецкие / Сообщ. М.К. Герасимов. 2: Слова Ладожские / Сообщ. Н. Кедров // Живая старина. 1898б. Вып. 3–4. Отд. 2. С. 399.
- Сумцов Н.Ф.* Культурные переживания. Киев, 1890.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Вла-

димирской губернии) / Сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.

Шустиков А.А. Прозвища крестьян дер. Хмелевской, Бережок тож, Кадниковского уезда // Живая старина. 1899. Вып. 4. С. 526–528.

Ярков В.П. Народные слова и прозвища, записанные в Сысертском заводе Пермской губ. Екатеринбургского у. // Живая старина. 1899. Вып. 4. Отд. 2. С. 529–530.

Ярков А. Прозвища крестьян южной части Череповецкого уезда, Новгородской губ. // Живая старина. 1902. Вып. 1. С. 126–128.

Brandes S.H. The Structural and Demographic Implications of Nicknames in Navanogal, Spain // American Ethnologist. (Feb. 1975). Vol. 2. No. 1: Intra-Cultural Variation. P. 139–148.

Gilmore D. Some Notes on Community Nicknaming in Spain // Man, New Series. (Dec. 1982). Vol. 17. No. 4. P. 686–700.

Fonseca C. La violence et la rumeur: le code d'honneur dans un bidonville brésilien // Les Temps Modernes. 40e année. Juin 1984. No. 455. P. 2224–2235.

Kushkova A. Village Gossiping: Between Fear and Pleasure (some notes on economy of emotions in social interaction of one local tradition) // Etnolog. Glasnik Slovenskega EnoGRAFSKEGA Muzeja (Bulletin of the Slovene Ethnographic Museum, Ljubljana). 2004. No. 14. P. 139–175. (также <[http://www.etno-muzej.si/eng_etnolog.php?e=Etnolog+14+\(2004\)>](http://www.etno-muzej.si/eng_etnolog.php?e=Etnolog+14+(2004)>)) (на англ. и словен.)

Schindler N. Rebellion, Community and Custom in Early Modern Germany. Cambridge, 2002 (Chapter “The world of nicknames: on the logic of popular nomenclature”. P. 48–93).

Архивные материалы

АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 2. Вологодская губ. Вельский у. Пешков П. 1899. На 33 листах.

РГАЛИ. Ф. 586. Оп. 2. Ед. хр. 3. Заметки Якушкина Е.И. по вопросам гражданского права. Крайние даты: 1887 г. и б.д. Собрание народных юридических обычаев. Л. 13–13 об.

Полевые материалы

1998 г.

Belozer_98.07.08.98. д. Лукьяново. Инф.: ЛФФ, 1913 г.р. Соб.: Жаворонков С.И., Пономарева А.Ю.

Belozer_98.07.08.98. д. Лукьяново. Инф.: ЗЕВ, 1914 г.р. Соб.: Жаворонков С.И., Пономарева А.Ю.

Belozer_98.08.08.98. пос. Есино. Инф.: БЛП, 1927 г.р. Соб.: Жаворонков С.И., Пономарева А.Ю.

2001 г.

Belozer_01. PF-8. 03.07.01. д. Верховье. Инф.: ЕАК, 1921 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_01. PF-10. 04.07.01, д. Верховье, Инф.: КНА, 1924 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н.

Belozer_01. PF-11. 02.07.01. пос. Зубово. Инф.: СЕА, 1922 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н.

Belozer_01. PF-13. 06.07.01. д. Есино. Инф.: БЛП, 1927 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н.

2002 г.

Belozer_02. PF-2. КЗВ. 07.07.02. д. Сосновый Бор. Инф.: КЗВ, 1931 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Славгородская Н.А.

2003 г.

Belozer_03. PF-1.1. 06.07.03, д. Верховье. Инф.: ФГИ, 1939 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.2. 07.07.03, д. Верховье. Инф.: ЕАК, 1921 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.3. 08.07.03, д. Гаврино. Инф.: ПДА, 1928 г.р., Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.3. 10.07.03, д. Верховье. Инф.: ФГИ, 1939 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.3. 08.07.03, д. Гаврино. Инф.: Л., 1938 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.4. 09.07.03, пос. Зубово. Инф.: ПЕФ, 1919 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.5. 15.07.03, пос. Зубово. Инф.: ТНИ, 1928 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.6. 15.07.03, пос. Зубово. Инф.: ПДА, 1928 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.6. 16.07.03, пос. Зубово. Инф.: РТА, 1924 г.р. Соб.: Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.

Belozer_03. PF-1.7. 11.07.03, пос. Зубово. Инф.: ГАП, 1947 г.р., д. Верховье. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.

Belozer_03. PF-1.8. 14.07.03, 1й поселок. Инф.: ДАЯ, 1926 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.

Belozer_03. PF_1.8A. 11.07.03, пос. Зубово. Инф.: БЛП, 1927 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.9. 13.07.03, пос. Зубово. Инф.: КСВ, 1951 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.

Belozer_03. PF-1.10. 14.07.03, пос. Зубово. Инф.: ВАН, 1925 г.р., ВАД, 1932 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.11. 15.07.03, пос. Зубово. Инф.: ВАД, 1932 г.р.; Л., 1958 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

Belozer_03. PF-1.12. 17.07.03, пос. Зубово. Инф.: ВАД, 1932 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н.

- Belozer_03. PF-1.12. 17.07.03, пос. Zubovo. Инф.: ПАЕ, 1926 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_03. PF-1.13. 17.07.03, д. Есино. Инф.: БЛП, 1927 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_03. PF-1.13. 17.07.03, пос. Zubovo. Инф.: ВАД, 1932 г.р., Л., 1928 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н.
- Belozer_03. PF-1.14. 12.07.03, пос. Zubovo. Инф.: ФЕИ, 1934 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-1.14. 16.07.03, пос. Zubovo. Инф.: КАА, 1907 г.р., РВ, 1937 г.р., ЛВ, ок. 1942 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_03. PF-1.15. 18.07.03. пос. Есино. Инф.: БЛП, 1927 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_03. PF-3.1. 07.07.03, пос. Zubovo. Инф.: ТЗА, 1930 г.р., ПЕА, 1926 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-3.2. 09.07.03. д. Сосновый Бор. Инф.: ИЗА, 1935 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-3.2. 09.07.03, пос. Zubovo. Инф.: КСВ, 1951 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-3.3. 07.07.03. д. Митино. Инф.: КИЯ, 1910 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-3.4. 10.07.2003, 1й поселок. Инф.: ДАЯ, 1926 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-3.5. 11.07.03. пос. Zubovo. Инф.: БЛА, 1918 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В.
- Belozer_03. PF-3.6. 11.07.03, пос. Zubovo. Инф.: БЛА, 1918 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В.
- Belozer_03. PF-3.6. 12.07.2003, д. Есино. Инф.: БЛП, 1927 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Князькина Ю.В., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-3.6. 12.07.03, пос. Zubovo. Инф.: ПАЕ, 1926 г.р., ТЗА, 1930 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. PF-3.8. 14.07.03, д. Митино. Инф.: КИЯ, 1910 г.р., КВВ, 1934 г.р. Соб.: Жаворонок С.И.
- Belozer_03. PF-3.9. 15.07.03, пос. Zubovo. Инф.: БЛА, 1918 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Славгородская Н.А.
- Belozer_03. ПДА, из письма: цитаты из письма информанта собирателю. Инф.: ПДА, 1928 г.р., Соб.: Кушкова А.Н.

2004 г.

- Belozer_04. PF-1. 20.07.04, пос. Zubovo. Инф.: КМА, 1926 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-2. 20.07.04, д. Верховье. Инф.: КНА, 1924 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

- Belozer_04. PF-3. 21.07.04, пос. Zubovo. Инф.: ТЗА, 1930 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_04. PF-4. 21.07.04, пос. Zubovo. Инф.: ВАН, 1925 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-4. 21.07.04, д. Верховье. Инф.: МС, 1979 г.р. Соб.: Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_04. PF-5. 22.07.04, 3й поселок. Инф.: БТН, ок. 1954 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-6. 23.07.04, 2й поселок. Инф.: МНС, ок. 1935 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-7. 23.07.04, 2й поселок. Инф.: МНС, ок. 1935 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-7. 23.07.04, 1й поселок. Инф.: ЮЭГ, 1937 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-7. 23.07.04, 2й поселок. Инф.: Л., ок. 1935 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-8. 24.07.04, пос. Zubovo. Инф.: КСВ, 1951 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_04. PF-8. 24.07.04, д. Верховье. Инф.: КНА, 1924 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-9. 24.07.04, пос. Zubovo. Инф.: КВВ, 1934 г.р., НВИ, ок. 1930 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-9. 24.07.04, пос. Zubovo. Инф.: ПГ, ок. 1945 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-10. 25.07.04, пос. Zubovo. Инф.: ПЕА, 1926 г.р., ТЗА, 1930 г.р. Соб.: Жаворонок С.И., Кушкова А.Н., Славгородская Н.А.
- Belozer_04. PF-11. 25.07.04, 3й поселок. Инф.: ГНИ, 1928 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-12. 26.07.04, 2й поселок. Инф.: БДА, ок. 1953 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-13. 26.07.04, 2й поселок. Инф.: АНА, 1952 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.
- Belozer_04. PF-14. 27.07.04, пос. Zubovo. Инф.: ТНИ, 1928 г.р. Соб.: Кушкова А.Н.

2006 г.

- Belozer_06. PF-10. 20.07.06, пос. Zubovo. Инф.: КЛФ, 1933 г.р. Соб.: Князькина Ю.В., Кушкова А.Н.

Приложение

Словарь индивидуальных прозвищ Шольского сельсовета

В словаре приводятся: а) само прозвище (иногда вместе с настоящим именем, если оно так употреблялось), б) указание на то, было оно женским или мужским (если известно) и в) мотивировка прозвища (если известна). В некоторых случаях предлагаются наиболее вероятные мотивировки.

- 1) **Багор** (М): **Гришка Багор**: *долгий, сухощавенький* [Belozер_03. PF-1.6. ПДА; Belozер_03. ПДА, из письма]
- 2) **Балуи** (М): по внешности, за белые волосы [Belozер_98. ЛФФ]
- 3) **Барыня** (Ж): *воображалистая*, не любила работать [Belozер_04. PF-10. ПЕА, ТЗА]
- 4) **Белочка** (М): *боевой мужчина* [Belozер_03. PF-1.8. ДАЯ]
- 5) **Бич** (М): драчун [Belozер_03. PF-1.1. ФГИ]
- 6) **Бобер** (М): **Андрюха Бобер** [Belozер_03. PF-1.3. ПДА]; он же: **Бобер. Андрей-Бобер**: *на шее был горб, за это он и получил такое прозвище* [Belozер_03. ПДА, из письма]
- 7) **Бобер** [Belozер_03. PF-1.4. ПЕФ] (тот же, что и предыдущий?)
- 8) **Бокушко** (М): ходил немного боком, т.к. не было двух ребер (*На зов Бокушко всегда отзывался, не обижался никогда*) [Belozер_03. ПДА, из письма]
- 9) **Борман** (М): по внешности: *такой здоровый мужик-то, и усы...* [Belozер_04. PF-5. БТН]
- 10) **Брюквина** (Ж) [Belozер_03. PF-1.5. ТНИ]
- 11) **Булочка** (Ж) (жена Попа — см.) [Belozер_03. PF-1.3. Л.]
- 12) **Буржуй** (М): по внешности: *краснорожий, красивый, как список, толстый, как буржуй* [Belozер_03. PF-1.14. КАА]
- 13) **Бухтина, Бухтинушка** (М): любил преувеличивать, собеседники ему часто не верили и говорили: «*Ты нам не бухти!*» [Belozер_03. ПДА, из письма]
- 14) **Ветрелка** (Ж) (о возможных мотивировках см. в статье) [Belozер_03. PF-1.4. ПЕФ; Belozер_03. PF-1.6. ПДА; Belozер_03. PF-1.7. ГАП; Belozер_03. PF-1.9. КСВ; Belozер_03. PF-1.10. ВАН, ВАД; Belozер_03. PF-1.10. ВАН; Belozер_03. PF-1.11. ВАД; Belozер_03. PF-1.13. БЛП; Belozер_03. PF-1.14. ФЕИ; Belozер_03. PF-1.14. КАА, РВ, ЛВ; Belozер_03. PF-3.1. ТЗА, ПЕА; Belozер_03. PF-3.2. ИЗА; Belozер_03. PF-3.2. КСВ; Belozер_03. PF-3.3. КИЯ; Belozер_03. PF-3.5. БЛА; Belozер_03. PF-3.9. БЛА; Belozер_03. PF-3.8. КИЯ, КВВ; Belozер_03. PF-3.9. БЛА; Belozер_04. PF-1. КМА; Belozер_04. PF-2. КНА; Belozер_04. PF-3. ТЗА, ПТФ; Belozер_04. PF-4. ВАН; Belozер_04. PF-4. МС; Belozер_04. PF-5. БТН; Belozер_04. PF-6. МНС; Belozер_04. PF-7. ЮЭГ; Belozер_04. PF-8. КНА; Belozер_04. PF-8. КСВ; Belozер_04. PF-9. КВВ, НВИ; Belozер_04. PF-9. ПГ; Belozер_04. PF-10. ПЕА, ТЗА; Belozер_04. PF-11. ГНИ; Belozер_04. PF-12. БДА; Belozер_04. PF-13. АНА; Belozер_04. PF-14. ТНИ]

- 15) **Вака** (Ж): **Женя-вака**: очень плохо говорит, *вакает* [Belozer_04. PF-7. Л.]
- 16) **Геббельс** (М): возможно, по внешности [Belozer_04. PF-5. БТН]
- 17) **Глиста** (М): **Шурка-Глиста**: возможно, потому, что был худой и много пил [Belozer_04. PF-9. КВВ, НВИ]
- 18) **Голова** (Ж): школьное прозвище — *сообразительная* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]
- 19) **Городовочка** (Ж): приехала из Белозерска, была единственная горожанка в Шоле [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]
- 20) **Грош** (М): по фамилии Грошев (он же: **Копейка** — см.) [Belozer_04. PF-9. ПГ]
- 21) **Гуляй Нога** (Ж): когда-то сломала ногу, возможно, потом хромала [Belozer_03. PF-3.2. КСВ]
- 22) **Гусиха** (вар.: **Гусыня**) (Ж): по фамилии Гусева [Belozer_03. PF-1.7. ГАП; Belozer_04. PF-9. ПГ]
- 23) **Гусь** (М): по фамилии Гусев [Belozer_03. PF-3.5. БЛА]
- 24) **Долгоноска** (Ж): **Шура Долгоноска**: по внешности [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]
- 25) **Дорогавушка** (Ж): *обманывала много*, уверяла, что «*знала*» [Belozer_03. PF-3.8. КИЯ]; также [Belozer_03. PF-1.8. ДАЯ; Belozer_03. PF-1.9. КСВ; Belozer_03. PF-3.2. КСВ; Belozer_04. PF-8. КНА; Belozer_04. PF-8. КСВ; Belozer_04. PF-10. ПЕА, ТЗА]
- 26) **Дюля** (М) [Belozer_04. PF-12. БДА]
- 27) **Енот** (М): пить рабочим не давал, за всем наблюдал, нос всюду совал [Belozer_04. PF-10. ПЕА, ТЗА]; он же **Енот Енотыч** [Belozer_03. PF-1.9. КСВ]
- 28) **Еша-еша** (?): прозвище сладены [Belozer_03. PF-1.1. ФГИ]
- 29) **Жаба** (Ж): очевидно, по каким-то чертам характера (воспитательница в интернате) [Belozer_03. PF-1.11. Л.]
- 30) **Жилин-Костылин** (М): худой, сухого телосложения (муж **Зои-Ступочки** — см.) [Belozer_04. PF-3. ТЗА]
- 31) **Жулик** (М): директор банка; кличка с детства [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]
- 32) **Задрыга** (?) [Belozer_03. PF-1.8А. БЛП]
- 33) **Заруба** (?) [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 34) **Заугольш** (М): *Был один мужик «пригуленный», его все ругали «заугольшем»* [Belozer_03. PF-1.5. ТНИ]
- 35) **Золушка** (Ж): торгует (спекулирует) спиртным [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ; Belozer_03. PF-1.7. ГАП; Belozer_03. PF-1.9. КСВ; Belozer_03. PF-1.10. ВАН, ВАД; Belozer_03. PF-1.13. БЛП; Belozer_03. PF-1.14. КАА, РВ, ЛВ; Belozer_03. PF-3.2. КСВ; Belozer_03. PF-3.9. БЛА; Belozer_03. PF-3.8. КИЯ, КВВ; Belozer_04. PF-1. КМА; Belozer_04. PF-4. МС; Belozer_04. PF-4. МС; Belozer_04. PF-5. БТН; Belozer_04. PF-6. МНС; Belozer_04. PF-7. ЮЭГ; Belozer_04. PF-8. КСВ; Belozer_04. PF-9. КВВ, НВИ; Belozer_04. PF-10. ПЕА, ТЗА; Belozer_04.

- PF-12. БДА; Belozер_04. PF-13. АНА; Belozер_04. PF-14. ТНИ]. Кроме того, *вечно грязная* [Belozер_03. PF-1.9. КСВ]
- 36) **Зуй** (М) [Belozер_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 37) **Иконка** (М): за то, что однажды сказал другому мужику, что он сделал ребенка его жене. За это тот обещал ему *железным[и] граблям[и] наладить* [Belozер_01. PF-11. СЕА]
- 38) **Казнея** (Ж): публично водили по деревне с украденной кастрюлей супа — в качестве позорящего наказания [Belozер_03. PF-1.14. КАА, РВ, ЛВ]
- 39) **Камбала** (М): *любил одну рыбу — камбалу, всегда покупал только и ел только ее и никакую другую рыбу не признавал* [Belozер_03. ПДА, из письма]
- 40) **Каменистик** (М): неразговорчивый, не сплетник (детей его тоже называли **Каменистики**) [Belozер_04. PF-11. ГНИ]
- 41) **Карпатский** (М): **Шура Карпатский**: был ранен в Карпатах в первую мировую войну (его племянник, когда получал паспорт, записался под фамилией Карпатский) [Belozер_03. PF-1.3. ПДА]
- 42) **Квашня** (Ж): *толстуха, неповоротливая женщина* [Belozер_03. ПДА, из письма]
- 43) **КЕС** (М): по инициалам [Belozер_04. PF-4. МС]
- 44) **Кириянишна** (Ж): по отцу, которого звали Кирилл [Belozер_03. PF-1.10. ВАН]
- 45) **Кишка** (М): длинный, тощий [Belozер_04. PF-5. БТН]
- 46) **Кока** (Ж) [Belozер_03. PF-1.11. ВАД]
- 47) **Кокоўка** (Ж): **Натаха Кокоўка** [Belozер_02. PF-2. КЗВ]
- 48) **Комиссар** (М): воевал в гражданскую войну, *фигура похожа на комиссарскую* [Belozер_03. PF-1.14. КАА, РВ, ЛВ]
- 49) **Конопель** (М): по фамилии Коноплев [Belozер_03. PF-1.11. ВАД]
- 50) **Копейка** (М): по фамилии Грошев (то же, что **Грош** — см.) [Belozер_04. PF-9. ПГ]
- 51) **Косолапа** (Ж) (также говорили: **Паши Косолапой девки**) [Belozер_03. PF-1.8А. БЛП]
- 52) **Кот** (М) [Belozер_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 53) **Красавчик** (М) [Belozер_03. PF-1.3. Л]
- 54) **Куклятка** (Ж): **Ольгия Куклятка** [Belozер_03. PF-1.10. ВАН, ВАД]
- 55) **Кукушка** (Ж): пела много песен [Belozер_03. PF-1.14. КАА, РВ, ЛВ]
- 56) **Кулик** (М): **Ваня Кулик** [Belozер_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 57) **Кулябка** (Ж): **Динка Кулябка** (вар.: **Кулябка, Кулябка, Кулима, Куляпишна**) [Belozер_03. PF-1.3. ПДА]
- 58) **Лимон** (М) [Belozер_03. PF-1.7. ГАП]
- 59) **Ломка** (вар.: **Ломда**) (Ж): приехала из поселка Ломда [Belozер_03. PF-1.2. ЕАК]
- 60) **Майдан** (М) [Belozер_04. PF-1. КМА]
- 61) **Манька Облигация** (Ж): любила деньги [Belozер_04. PF-12. БДА]

- 62) **Марыч** (М): по фамилии Марычев [Belozer_04. PF-9. ПГ]; всю семью называют Маровщина [Belozer_03. PF-1.13. БЛП] или Марушня [Belozer_03. PF-1.8А. БЛП]
- 63) **Матрос** (М): во время русско-японской войны служил в Японии, плавал на корабле [Belozer_03. PF-1.6. РТА]
- 64) **Матюха** (М): по фамилии Матюшин [Belozer_03. PF-1.13. БЛП; Belozer_03. PF-1.7. ГАП]
- 65) **Мичурин** (М): любитель косить [Belozer_03. PF-1.1. ФГИ]
- 66) **Молодчик** (М) [Belozer_03. PF-1.3. Л.]; также [Belozer_04. PF-9. КВВ; Belozer_04. PF-9. КВВ, НВИ]
- 67) **Мороз** (М) [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 68) **Москвичка** (Ж): ездила в Шолу из Москвы [Belozer_03. PF-1.14. ФЕИ]
- 69) **Московская бандитка** (Ж): *была очень бойкой и жила в Москве, прозвище дали в 17 лет* [Belozer_03. PF-1.10. ВАН; Belozer_03. PF-1.11. ВАД]
- 70) **Мустафа** (М): по песне из к/ф «Путевка в жизнь»: «Мустафа дорогу строил / Мустафа по ней ходил / Мустафу жиган зарезал...» [Belozer_03. PF-1.9. КСВ]
- 71) **Окунь** (М): *Рыбак был, наверное* [Belozer_03. PF-1.3. Л.]
- 72) **Охотник** (М): *Только охоту одну и знал* [Belozer_03. PF-3.9. БЛА]
- 73) **Писариха** (Ж): местная начальница, заставляла приходить к ней по нескольку раз за много километров [Belozer_03. PF-1.2. ЕАК]
- 74) **Писарь** (М) [Belozer_03. PF-3.9. БЛА]
- 75) **Повитуха** (Ж): **Фекла Повитуха**: *собирала склоки со всей округи и всем пересказывала, часто с искажением фактов* [Belozer_03. ПДА, из письма]
- 76) **Помело** (Ж): **Павла-Помело**: сплетница [Belozer_03. ПДА, из письма]
- 77) **Помидор** (М): **Миша Помидор**: толстый и краснощекий [Belozer_03. PF-3.2. КСВ; Belozer_01. PF-10. КНА; Belozer_03. PF-3.8. КИЯ, КВВ]
- 78) **Помидор** (М): **Коля Помидор**: толстый и краснощекий [Belozer_03. PF-3.2. КСВ]
- 79) **Поп** (М): носил длинные волосы [Belozer_03. PF-1.3. Л.]
- 80) **Ракета** (Ж): быстро бегает [Belozer_03. PF-1.5. ТНИ; Belozer_04. PF-14. ТНИ]
- 81) **Рыжий** (М): возможно, по внешности [Belozer_03. PF-1.11. Л.]
- 82) **Сарай** (М): по фамилии Сараев [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 83) **Сальник** (М): **Саша Сальник**: отец посылал ему в армию сало [Belozer_03. PF-1.2. ЕАК]
- 84) **Сальник** (М): **Кирия Сальник**: по отцу [Belozer_03. PF-3.2. КСВ]
- 85) **Самолет** (М): **дедка Миша Самолет** (детей его тоже звали **Самолетами**) [Belozer_03. PF-1.9. КСВ]
- 86) **Самолет** (М): *быстрый больно*; кроме того, в телевизоре разбирался неплохо: *и разберет, и соберет — куча лишних*

- запчасти* получается [Belozer_04. PF-6. МНС] (тот же, что и предыдущий?)
- 87) **Серый** (М): возможно, по имени [Belozer_03. PF-1.11. Л.]
- 88) **Сиси** (М): по особенностям речи: шепелявил, не мог выговорить слова «сенник» [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 89) **Солдатка** (Ж): **Анюта Солдатка** [Belozer_03. PF-1.10. ВАН, ВАД]
- 90) **Ступочка** (Ж): **Зоя Ступочка**: была маленькой и полненькой (жена **Жилина-Костылина** — см.) [Belozer_04. PF-3. ТЗА]; также [Belozer_03. PF-1.12. ПАЕ]
- 91) **Техник** (М): разбирался в технике [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]
- 92) **Торба** (Ж) [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]
- 93) **Трубка** (М): **Степа Трубка**: курил трубку [Belozer_03. PF-3.2. КСВ]
- 94) **Учительница** (Ж): гуляла с молодыми ребятами, обучала их *этому делу* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП; Belozer_03. PF-1.8А. БЛП; Belozer_03. PF-3.6. БЛА; Belozer_01. PF-13. БЛП]
- 95) **Хабаль** (М): развеселый, разухабистый, *на работу злой* [Belozer_03. PF-1.14. КАА, РВ, ЛВ]
- 96) **Химичка** (Ж): **Мария Химичка**: работала в химучастке [Belozer_03. PF-3.6. ПАЕ]
- 97) **Хозяин** (М): *был хозяйственным пареньком. Дали в подростковом возрасте, с этой кличкой ушел в армию, на войну* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]
- 98) **Худяк** (М) [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 99) **Худяк** (М): **Ванька Худяк** [Belozer_03. PF-1.14. КАА, РВ, ЛВ] (тот же, что и предыдущий?)
- 100) **Цыганка** (Ж): *проходимка; все выклянчит*; всех людей учит, как надо жить [Belozer_03. PF-3.9. БЛА]
- 101) **Чернобровый** (М): некий Миша, очень белобрысый [Belozer_03. PF-3.8. КИЯ, КВВ]
- 102) **Чернобровый** (М): Дима Устинов, *белый-белый был* [Belozer_04. PF-9. КВВ, НВИ]
- 103) **Чеченка** (Ж): за то, что много ругалась с соседкой [Belozer_03. PF-1.6. РТА]; также [Belozer_03. PF-1.12. ПАЕ]
- 104) **Чижик-пыжик** (Ж): в детстве была очень маленькая [Belozer_03. PF-1.6. РТА]
- 105) **Чубка** (Ж): **Дуня Чубка**: зачесывала волосы чубом (дочь звали **Катяка Дуни Чубки**) [Belozer_03. PF-1.12. ПАЕ]
- 106) **Шавка** (М) [Belozer_04. PF-4. МС]
- 107) **Шалапин** (М) **Ваня Шалапин**: пел, когда выпивал, имел очень сильный и красивый голос [Belozer_01. PF-8. ЕАК]
- 108) **Шило** (М) [Belozer_04. PF-10. ПЕА, ТЗА]
- 109) **Шипун** (М): **Федя Шипун**: был ранен на войне, не мог нормально дышать [Belozer_03. PF-1.4. ПЕФ]
- 110) **Шокоталка** (М): *расскажет, так уморит до смеху, все падут* [Belozer_03. PF-1.13. БЛП]